

© 2005 г. Г.М. ЗЕЛЬДОВИЧ

**РУССКОЕ ПРЕДИКАТИВНОЕ ИМЯ: СОГЛАСОВАННАЯ ФОРМА,
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ**

Статья посвящена значению русского предикативного имени, выступающего в так называемой согласованной форме и в творительном падеже. По мнению автора, согласованная форма предикативного имени *P* в структуре *К есть P* сигнализирует, что *P* и *К* составляют для говорящего более или менее устойчивый концепт, а значение творительного падежа формируется здесь отрицательным образом, за счет его противопоставленности согласованной форме. Показано, что эти предположения обладают большой объяснительной силой и позволяют предсказать многочисленные смысловые нюансы, возникающие при употреблении согласованной формы и творительного падежа.

0. Известно, что полная форма русского предикативного имени существует в двух ипостасях: во-первых, оно может стоять в творительном падеже (*Он был веселым; Его привели домой пьяным*); во-вторых, оно может согласоваться в падеже с контролером, т.е. тем существительным или местоимением, референту которого приписывается данный признак (*Он был веселый; Его привели домой пьяного*).

Есть достаточно очевидные причины ожидать, что смысловая специфика согласованной формы и творительного падежа в рассматриваемых конструкциях проявит себя только там, где согласованная форма и творительный падеж противопоcтавлены друг другу и/или краткой форме. Поэтому мы не рассматриваем те конструкции, где допускается лишь одна-единственная форма предикативного имени, а две другие формы сугубо аномальны, т.е. их употребление нарушало бы не прагматические (что чревато относительной, умеренной аномальностью), а жесткие синтаксические правила. Ср. примеры:

- (1) Это платье делает ее красивой (*красивая; *красива)¹.
- (2) Ему нельзя прийти пьяным (*пьяному; *пьян).
- (3) Ему нельзя прийти одному/самому/первым (*один/*сам/*первому).
- (4) У меня молодого (*молодым; *молод) была интересная жизнь.
- (5) Он стал художником (*художник* современной норме не отвечает).

1. Каково же значение согласованной формы и творительного падежа и каковы правила их выбора? Разумеется, очень хорошо было бы дать на эти вопросы обобщенный, универсальный ответ, но известные нам попытки такого ответа едва ли выдерживают критику.

Обычно говорят (см. [Тимберлейк 1985: 278–282]), что творительный падеж представляет ситуацию как ограниченную на оси времени, т.е. представляет ее на фоне других ситуаций (например, *Он был красивым* ⇒ ‘сейчас это не так’), а согласованная форма интерпретирует ситуацию как изолированную, “саму по себе”, вне соотносительности с чем-либо еще (*Он был красивый* с меньшей вероятностью имплицитно, что сейчас обстоит иначе; скорее здесь нынешнее время в каком-то смысле просто игнорируется).

¹ Хотя есть немало случаев, когда возможен выбор между полной согласованной и краткой формой (*Он бледный vs Он бледен*), мы ради наглядности оперируем примерами, где допускаются обе полные формы.

Для многих случаев такая трактовка выглядит весьма убедительно, но есть и неприятные контрпримеры. Как быть, скажем, с предложением (6)?

(6) Он был трус, а стал героем.

Здесь наличие соотношенности ситуации 'он был трус' с другой ситуацией, выбрана же согласованная форма. Интуитивно ощущимо, что мотив для ее выбора иной, нежели "изолированность" ситуации: это почти наверняка желание говорящего показать, что последний сам наблюдал (как минимум воображает, что наблюдал) ситуацию 'он был трус'. Каков бы ни оказался этот мотив, место ему в объяснении А. Тимберлейка едва ли найдется.

Кроме того, предпочтительный выбор творительного падежа или согласованной формы настолько зависит от многообразных контекстных факторов, что формулировки типа тимберлейковских почти невозможно ни использовать на практике, ни полноценно верифицировать.

Запутанность и разнородность правил выбора форм побудила многих авторов, в первую очередь С. Густавссона и Дж. Никольс [Gustavsson 1976; Nichols 1981; Никольс 1985], вообще отказаться от поисков инварианта². В книге С. Густавссона постулируется около 2800 факторов, влияющих на выбор между согласованной формой и творительным падежом. Обратная сторона этого антиредукционистского рекорда такова, что книга дает подборку материала, но не объяснение фактов и не попытку их объяснения.

К большому обобщению тяготеет ставшая уже классической и самая влиятельная в этой области работа Дж. Никольс ([Никольс 1985] – подробный реферат книги [Nichols 1981]), где число релевантных факторов сведено к нескольким десяткам. При этом их разнотипность столь велика, что, по мнению автора, о каком-либо инвариантном значении обсуждаемых форм не следует и думать.

Но это не так. Ниже мы сформулируем семантический инвариант согласуемой формы, который позволяет объяснить и ее выбор/не-выбор, и – опосредованно – выбор/не-выбор творительного падежа (который, как мы считаем, является единицей немаркированной, и его значение формируется отрицательным образом, по контрасту со значением согласуемой формы) в самых разнообразных случаях, в том числе в примерах, проанализированных у Дж. Никольс, которыми мы будем широко пользоваться, но объяснение они получают совершенно иное.

2.1. Примем, что в любом высказывании с полной формой предикативного имени реализуется (возможно, среди прочего) модель

(7) K есть P ,

где K – это контролер (то, чему приписывается признак), а P – сам признак, приписываемый ему предикативным именем.

Нам кажется глубоко верной давно высказанная интуиция, что признак P в конструкциях с согласованной формой "отобщен", "отщеплен" от контролера [Шведова 1952: 86], такие высказывания *к в а з а н а л и т и ч н ы*.

Здесь и ниже будем, если не оговаривается иное, предполагать, что в роли P фигурирует согласованное предикативное имя. Тогда структуре (7) можно дать следующее толкование: (7) =

(8) ' P входит в тот концепт, который связан для говорящего со словом (или выражением) K '.

Концепт, в свою очередь, будет пониматься так: *Концепт K =*

(9) 'а. Представление, имеющееся у говорящего о референте соответствующего слова,

(б) которое служит для идентификации этого референта и

(в) которое более или менее устойчиво'.

Здесь уместны несколько комментариев.

² В том же духе написана и книга [Никунласси 1993].

Комментарий 1. Очевидно, что за фигурирующей в (9б) идентификацией могут стоять разные вещи, многообразие которых определяется многообразием возможных для имени денотативных статусов. Например, “опознавание” конкретного объекта и класса объектов (при, соответственно, конкретной и универсальной референции) происходит неодинаково. Важно, однако, что здесь всюду есть общий знаменатель – “о т л и ч е н и е” данного объекта или данных объектов от объектов иного типа.

Комментарий 2. По всей видимости, мы сделали толкование (9) несколько избыточным, ибо отнесительная устойчивость концепта скорее всего является следствием его идентификационной функции. Мы ввели в (9) пункт (в) только ради наглядности и удобств при последующем изложении.

Комментарий 3. Толкование (9) не о г о в а р и в а е т, что концепт должен иметься у говорящего наперед, еще до его использования в данном высказывании. Как правило именно так и бывает: мы вообще-то предпочитаем оперировать готовыми концептами. Однако и создавать концепт по мере надобности (откуда бы она ни происходила) мы тоже имеем право³, и толкование (9) этого права у нас не отнимает, поскольку требование (9в) об отнесительной устойчивости соответствующего представления очень легко исполнимо: чисто логически здесь достаточно, если, используя концепт *K*, говорящий в о о б р а з и т с е б е хотя бы еще одно другое использование этого же концепта.

Комментарий 4. Определением (9) не исключается случай, когда в роли *K* выступает местоимение или имя собственное. И за тем, и за другим для говорящего всегда стоит какое-то, пускай osobого и не до конца ясного рода, представление, так что к примерам наподобие *Он был негодий*, *Иван был врач* формулировка (9) тоже без натяжек приложима.

Комментарий 5. Легко видеть, что концепт понимается нами не по-аристотелевски, т. е. не как набор необходимых и достаточных признаков, а в духе когнитивизма (см. особенно [Taylor 1995]) – как набор признаков достаточных. Это значит, что сверх необходимого концепт может содержать факультативные, “сверхабонементные” элементы, что обеспечивает ему нужный “запас прочности”.

2.2. Теперь посмотрим, какие, исходя из толкований (8) и (9), можно сделать предсказания. Мы думаем, что они верны и многообразны.

Начнем с прогнозов более или менее локального характера: их изложение займет меньше места и послужит предварительным подтверждением адекватности наших дефиниций.

Первый прогноз состоит в том, что если в структуре (7) *K* есть *P*, *P* указывает на признак, заведомо и обязательно имеющийся у *K*, то соответствующее высказывание будет не приемлемо. Дело в том, что сама структура (7) предполагает, что объект *K* может быть идентифицирован прежде, чем ему приписывается признак *P*: либо структура (7) просто не может здесь возникнуть (нет средств обеспечить референтность *K*), либо приписывание признака *P* будет тавтологично. И то, и другое ведет к аномалии. Ср.:

(10) а. *Квадрат – прямоугольный (⇒ прямоуголен);

б. *Куб – шестигранный (⇒ шестигранен).

Если такие предложения и можно принять, то только когда кто-то не знает или до сих пор не знал о соответствующих свойствах квадрата и куба и, таким образом, имел о последних неполное понятие, недостаточное понятие.

Проиллюстрированная аномалия довольно редка, так как “жесткую” структуру имеют лишь научные, или, по Дж. Тэйлору [Taylor 1995], “экспертские” концепты, в иных же случаях мало о каком включенном в концепт признаке можно без оговорок утверждать, что он обязателен, но есть похожие примеры и с более “обытовленными” контролерами; ср.:

(11) а. *Эта шина – электрическая;

б. *Эта рубашка – смирительная.

Употребляя в качестве контролеров слова *шина* и *рубашка*, говорящий должен сразу же иметь в виду их значение ‘электрическая шина’ и ‘смирительная рубашка’, оттого эти фразы и плохи.

³ Так, с созданием “сиюминутного” концепта часто связана метонимия ([Nam Sun Song 1997: 97 ff.]; о неустойчивости наших концептов см. тж. [Barsalou 1987; 1992]).

Другой, тоже локальный прогноз состоит в том, что признак *P*, поскольку он, согласно (9б), в принципе может использоваться для идентификации релевантного объекта, должен рассматриваться говорящим скорее как важны й, существенный. В контекстах, которые подразумевают относительную неважн о с т ь, несущественность признака, согласованная форма предикативного имени нежелательна. Ср.:

(12) а. Это оказалось новостью для всех;

б. [?]Это оказалась новость для всех.

(13) а. Походило на то, что день специально выдался таким незаметным и укромным...

б. [?]Походило на то, что день специально выдался такой незаметный и укромный...

Принципиальную роль тут играют слова *оказаться* и *выдаться*, которые в том или ином смысле снижают значимость признака, предполагая, что данный *K* легко мог бы мыслиться и без *P*, отсюда неловкость согласуемой формы. Ср. удачное: *Это была новость для всех; ... день специально был такой незаметный и укромный. ...*

По названной причине плохи и конструкции типа

(14) а. *Это было мне неприятное (‘неприятно, ‘неприятным);

б. *Дело было мне радостное (‘радостно; ‘радостным).

Местоимение *мне* подчеркивает субъективность признака (без такого местоимения приведенные фразы нормальны), а откровенно субъективный признак плохо способен служить для идентификации.

Наконец, третий выводимый из наших толкований (8) и (9) прогноз частного характера заключается в том, что должны быть (и таковы суть) неприемлемы конструкции типа (15–16):

(15) *X похожий (⇒ похож) на Y-а;

(16) *X отличный (⇒ отличен) от Y-а.

Ср.:

(17) *Она похожая (⇒ похожа) на мать;

(18) *Число пять отличное (⇒ отлично) от нуля.

Дело здесь в том, что и предикат *быть похожим* (на Y-а), и предикат *быть отличным* (от Y-а) приписывают X-у не признак в собственном смысле, а, так сказать, метапризнак: соответственно – ‘некоторые (важные, нетривиальные) черты X-а совпадают с некоторыми (важными, нетривиальными) чертами Y-а’ и ‘(важные) черты X-а не совпадают с соответствующими (важными) чертами Y-а’. Опирируя на материале уже заведомо и м е ю щ и х с я у X-а черт, такие предикаты не приписывают X-у ничего такого, что хотя бы в принципе могло бы служить для идентификации X-а, а именно этого требует пункт (б) в толковании (9).

Несостоятельны как будто напрашивающиеся контрпримеры вроде (19) и (20), где неловкость, конечно, есть, но это не та вопиющая аномалия, которую мы встретили в (17–18):

(19) [?]Дочь была похожая на мать.

(20) [?]Младшая из сестер – похожая на мать, а старшая – нет.

Принципиальное отличие (19–20) от (17–18) – в том, что там субъект-контролер *она* и *число пять* заведомо у н и к а л е н, а здесь это не так. В результате предложения (19–20), в отличие от (17–18), допускают – хоть и с натяжкой – такое понимание, при котором подлинным сказуемым является не прилагательное *похожая* (вместе со связкой *быть*, разумеется), а эллиптированное существительное *дочь* и *сестра*; ср.:

(17') *Она – (есть) она, похожая на мать.

(18') *Число пять – (есть) число пять, отличное от нуля.

(19') [?]Дочь была дочерью, похожей на мать (еще лучше чуть более далекое: ... *из тех дочерей, что похожи на мать*).

(20') [?]Младшая из сестер – сестра, похожая на мать, а старшая – сестра, не похожая.

Степень приемлемости (17'–20') и резкий контраст между (17'–18') и (19'–20') точно соответствуют степени приемлемости (17–20) и резкому контрасту между (17–18) и (19–20).

2.3. Теперь нам пора обратиться к тем следствиям из наших толкований (8) и (9), которые несут характер не локальный, а всеобщий или практически всеобщий и наблюдаемы в огромной массе примеров. Таких важных следствий – два, и мы их рассмотрим по очереди. Одно прямо вытекает из пункта (в) толкования (9), а другое – из пункта (б).

2.3.1. Смысл первого мы в самом грубом приближении поймем, рассмотрев следующий пример из [Бэбби 1985: 167]:

(21) ^{??}Пространство бесконечное.

Л. Бэбби объявляет эту фразу безоговорочно аномальной, однако можно вообразить ситуацию, в которой она приемлема. Так будет, если, допустим, студент-астроном готовится к экзамену, много раз читал соответствующий параграф учебника и говорит: *Пространство бесконечное*. Неожиданное исправление (21) объяснимо тем, что студент здесь ситуацию “к а к б ы н а б л ю д а л”, точнее – наблюдая ее отражение в тексте книги.

Другими словами, согласованная форма предикативного имени навязывает ситуации нечто вроде наблюдаемости. Говоря более точно и мотивируя это с точки зрения толкований (8–9), дело можно объяснить так.

Согласно (9в), концепт – в интересующем нас случае концепт, который является соединением *K* (контролера) и *P* (признака, который приписан контролеру согласованным предикативным именем), – должен быть более или менее у с т о й ч и в: *K* и *P* либо соединились в сознании говорящего, либо как минимум он в о о б р а ж а е т, что соединились, – более чем один раз. Однократное соединение обеспечено уже самим актом произнесения (написания) *K есть P*. Поэтому достаточно, чтобы идея ‘*K есть P*’ еще однажды появилась в сознании говорящего, либо он по крайней мере такое себе вообразил (может быть и так, что говорящий воображает это применительно к будущему, а не к прошлому). Появление же этой идеи (неважно, реальное или воображенное) предполагает (опять же неважно, реальную или воображаемую) причину: едва ли *K* и *P* соединятся просто так, ни с того ни с сего. Наиболее вероятны причины двух типов.

Во-первых, *K* и *P* могли соединиться в сознании говорящего, если он их соединение наблюдает или представляет себе, что наблюдает/будет наблюдать. Во-вторых, *K* и *P* могли соединиться (или говорящий воображает, что соединились или соединятся) в каком-то восприятии или т е к с т е [так обстоит в примере (21)]. И в том, и в другом случае можно говорить о реальной или виртуальной наблюдаемости ситуаций: либо ситуация как она есть, либо ее семиотическое отражение восприняты или как бы восприняты говорящим. Разумеется, “наблюдаемость” ситуации, особенно “наблюдаемость”, которая относится к будущему и которую можно объяснить не диктатом действительности (не тем, что говорящий реально был свидетелем того, что *K есть P*), а только вмешательством свободной воли говорящего, – такая “наблюдаемость” с высокой вероятностью предполагает и вовлеченность говорящего в соответствующие события. Поэтому, например, предложение

(22) Завтра свитер будет сухой
скорее, чем

(23) Завтра свитер будет сухим,
подсказывает, что говорящий намеревается свитер надеть или ставит себя на место другого желающего воспользоваться свитером человека.

Часто именно “наблюдаемость” ситуации оказывается мотивом для употребления предикативного имени в согласованной форме – предпочтительно перед краткой формой или формой творительного падежа. Как пишет Б.М. Гаспаров, появление в высказывании “выражений, создающих эффект прилизательности, и м п р е с с и о н с т и ч е с к о й с у б ъ е к т и в н о с т и [выделено нами. – Г.З.], – таких, как ‘будто’, ‘словно’, ‘как’, ‘как бы’, ‘как будто’, – резко повышает тяготение в сторону *L* [согласованной полной формы, а не формы краткой. – Г.З.]: *Ты словно мертвый. Этот домик как нарисованный. Платье как будто вырезанное из модного журнала*”⁴ [Гаспаров 1996: 233].

⁴ Вообще-то в последнем примере предикатную роль выполняет не прилагательное, а причастие. Хотя причастиями мы специально не занимаемся, они, по всей видимости, в интересующем нас отношении ведут себя так же, как прилагательные. Несколько примеров с причастиями без специальных оговорок используются и ниже.

Ради подразумеваемой здесь “наблюденности” согласуемая форма предпочитается в следующих примерах из [Никольс 1985: 380]:

(24) Тобольский вокзал поражал своими размерами... Пока поезд пришел почти *пустой*.

(25) Она ушла *надутая* и *злая* в комнату...

Вероятность, что говорящий был свидетелем ситуации или живо ее себе представляет, резко повышается в присутствии интенсификаторов типа *совсем*. Поэтому пример (26в) с согласованной формой гораздо естественнее, чем (26г), где использован творительный падеж:

(26) а. Он пришел *пьяный*;

б. Он пришел *пьяным*;

в. Он пришел *совсем пьяный*;

г. ?Он пришел *совсем пьяным*.

Все примеры – из [Никольс 1985: 383]. Дж. Никольс оценивает предложение (г) как аномальное. Мы думаем, что оно просто несколько странно в нейтральном контексте. Нетрудно вообразить ситуации, когда эта фраза будет даже лучше, чем (в). Ср.: *После выпитого пива, водки и шампанского он пришел домой совсем *пьяным (*пьяный)*⁵.

Ниже мы увидим, что если вместо согласованной формы используется творительный падеж и признак, который с предикативным именем связан, носит *п о с т о я н н ы й*, заведомо не временный характер, то творительный падеж используется ради того, чтобы отказаться от предполагаемой в согласованной форме “наблюденности”. Отсюда вытекает, что если последняя подразумевается контекстом независимо от выбора формы предикативного имени, то творительный падеж будет прогадывать согласованной форме – и тем ощутимее, чем больше говорящий вовлечен в данную ситуацию, чем труднее о ней сказать, не помня о говорящем. Так, в

(27) ...я увидел, какой неотвратимый губительный путь – был путь поцелуя, начатого у замка князей Гонсиоровских... (И. Бабель)

согласованная форма *неотвратимый губительный путь* во многом диктуется наличием *я увидел*: будь здесь сказано ...*догадался*..., творительный падеж (...*догадался, каким неотвратимым губительным путем был путь поцелуя*...) стал бы значительно более уместным; еще уместнее он бы оказался при ...*я начал (смутно) догадываться*... или другом подобном обороте, устанавливающем между ментальным миром говорящего (куда и помещается описываемое) и миром его опыта еще большую дистанцию.

Особенно показательны следующие примеры:

(28) а. Он был *старый хрыч*;

б. ?Он был *старым хрычом*.

(29) а. Он был *грубиян*;

б. Он был *грубияном*.

Различие между странной фразой (28б) и приемлемым (29б) можно объяснить тем, что *старый хрыч* – очень экспрессивный оборот, который предполагает эмоциональную вовлеченность говорящего, а следовательно – и то, что говорящий ситуацию живо себе представляет; с другой стороны, *грубиян* – термин более дескриптивный, не требующий с такой силой живого представления о соответствующей ситуации.

Этот контраст между *старым хрычом* и *грубияном* хорошо виден в посторонних примерах (30–32), где попытка использовать выражение *старый хрыч* дескриптивно – как имя класса или представителя класса – оказывается несостоятельной:

⁵ Знаками “+” и “–” маркируются, соответственно, предпочтительный и менее желательный варианты. Многие из разбираемых ниже примеров удобнее квалифицировать именно в терминах предпочтительности (в данном контексте или в отсутствие предзаданного контекста), а не в категориях приемлемости – малопринемлемости – аномальности. Если два варианта пишутся через косую черту и специальными поместями не снабжены (как, например, в *Он был дурак/дураком*), то подразумевается, что в отвлечении от реального контекста или при оговоренном конкретном контексте они более или менее равноправны.

- (30) а. Не терплю грубиянов;
 б. ^{??}Не терплю старых хрычей.
- (31) а. Покажи мне грубияна – и я его осажу;
 б. ^{??}Покажи мне старого хрыча – и я выужу из него любезность.
- (32) а. Встретив отпор, грубиян (всегда) тушуеться;
 б. ^{??}Когда просят одолжить деньги, старый хрыч (всегда) отказывает (предполагается, что речь идет о хрычах вообще, а не о конкретном человеке, как в примере *Этот старый хрыч мне отказал*).

С изложенной точки зрения объясним и целый ряд других фактов.

Так, согласуемая форма, именно потому, что она предполагает вовлеченность в ситуацию говорящего, нежелательна в имперсональных стилях – официальном и научном. Например, фраза (33а) звучит менее, а (33б) – более формально (отмечено в [Никольс 1985: 361]):

- (33) а. Он был грустный;
 б. Он был грустным.

В милицейском протоколе вероятнее всего будет сказано (34б), а не (34а):

- (34) а. Иванов явился на работу пьяный;
 б. Иванов явился на работу пьяным.

В научном стиле согласованная форма тоже систематически избегается, ср. пример из [Никольс 1985: 363]:

- (35) Знание родной истории было очень высоким ([?]высокое) в древней Руси... (Д.С. Лихачев).

В примерах

- (36) Еще неизвестно, что лучше: точно знать – твой сын или мужик *убитый* лежит, или не знать ничего.

(37) Приходим мы под утро с “поиска”, а мне говорят: Колю *убитого* принесли, по мнению Дж. Никольс [1985: 382–383], выбор согласованной формы определяется, во-первых, разговорным стилем, во-вторых, тем, что предикативное имя находится перед глаголом. Мы думаем, что, с одной стороны, второе вытекает из первого, т. е. препозиция предикативного имени по отношению к глаголу является одной из характерных черт разговорного стиля, а с другой стороны – что разговорность влияет на выбор согласованной формы не прямо, а опосредованно, поскольку разговорный стиль ощутимо ориентирован на говорящего-наблюдателя и на предельную наглядность, на описание того, чему говорящий сам оказался свидетелем.

Другой хорошо объяснимый факт состоит в том, что вероятность согласованных форм резко повышается в сочинительном ряду (причем пропорционально развернутости этого ряда). Ясно, что чем больше признаков приписано контролеру, тем подробнее и, следовательно, образнее мыслится ситуация. Ср. примеры из [Никольс 1985: 374, 383]:

- (38) Снег был сухой, рассыпчатый, желтоватый.
 (39) Друзья привели его домой пьяного, избитого, расцарапанного.

Далее, предсказуемо, что согласованная форма будет избегаться при отрицании: зримо себе представить ситуацию, которой нет, достаточно трудно (хотя это и не исключено, так что согласованная форма в соответствующих контекстах скорее экзотична, чем неприемлема). Ср. (примеры – из [Никольс 1985: 365, 380]):

- (40) а. Он был дураком/дурак;
 б. Он не был ⁺дураком/Гдурак.
- (41) а. Машину взвешивают пустой/пустую;
 б. Машину не взвешивают ⁺пустой/Гпустую.
- (42) а. (Не купил ничего поесть?) И сиди голодным/голодный;
 б. Не сиди ⁺голодным/Гголодный, поешь что-нибудь.

По аналогичной причине из трех глагольных наклонений согласованию предикативного имени в наибольшей степени благоприятствует изъявительное, а в рамках изъявительного согласованная форма чаще появляется там, где речь идет о р е а л ь н ы х (не-

желательных, предполагаемых и т. п. ситуациях; ср. [Никольс 1985: 365–366]). В иных случаях обычно предпочитается творительный падеж. Ср.:

(43) а. Ты вчера был веселым/веселый;

б. Будь веселым (°веселый).

(44) а. Из клоунов Карандаш был самым веселым/самый веселый;

б. Кто из клоунов был самым °веселым (°самый веселый)?

(45) а. На работе он всегда был сосредоточенным/сосредоточенный;

б. На работе он должен быть всегда сосредоточенным (°°сосредоточенный).

(46) а. Она пришла туда °веселой и красивой/°веселая и красивая;

б. Она хотела прийти туда °веселой и красивой/°веселая и красивая.

2.3.2. Посмотрим теперь, какие следствия вытекают из пункта (б) в нашем определении концепта (9). Напомним, что, согласно (9б), концепт служит для и д е н т и ф и к а ц и и соответствующих объектов.

Допустим, что предикативное имя в согласованной форме приписывает контролеру признак заведомо п о с т о я н н ы й, как во фразах

(47) Джон был канадец.

(48) По натуре она была добрая.

Как мы уже говорили, при любых реализациях интересующей нас модели (7) *К есть P* контролер *К* должен получать референцию независимой от признака *P*, еще до того, как последний будет ему приписан. Отсюда видно, что когда *P* приписывает контролеру постоянный признак, то, хотя он, согласно толкованию (8), слит с контролером в единый концепт, для идентификации контролера он совершенно бесполезен.

Картина радикально меняется, если признак *P* окажется временным, как, допустим, в

(49) К утру белье было сухое.

(50) Он был бледный⁶.

Если при п о с т о я н н о м признаке денотативная отнесенность концепта *К* и концепта [КР] (т. е. *К* вместе со свойством *P*) совпадает, то при признаке временном сам по себе концепт *К* и этот же концепт, обогащенный свойством *P*, по референциальным свойствам р а з л и ч н ы. *К* – это соответствующий объект во все времена его существования, а [КР] – это тот же объект, но только в период, когда ему присуще свойство *P*. Таким образом, если мы используем структуру (7) *К есть P* с согласованной формой *P*, то говорим по существу не о *К*, а о [КР], т. е. о *К* в один из периодов его существования, когда у него нет свойства *P*, однако такая смысловая надбавка не т р е б у е т с я структурой (7), и, учитывая принцип “языковой лени” (к осмыслению высказывания привлекается столько контекстного материала, в частности разных предположений и допущений, сколько н е о б х о д и м о, чтобы получить нечто информативное; см. особенно [Sperber, Wilson 1986]), появление этой надбавки маловероятно.

В итоге оказывается, что, сообщив (7) *К есть P*, говорящий имеет в виду *К* на одном временном срезе, когда оно обладает признаком *P*, а об иных фазах существования *К* не заботится. Поэтому при использовании согласованной формы ситуация предстает как “изолированная”, не соотношенная с другими, имеющими место в другие времена, ситуациями. Если же такая соотношенность требуется контекстом, вероятен творительный падеж (ср. [Тимберлейк 1985: 278–282]). Например, ниже в предложениях (а) благодаря присутствию согласованной формы ситуация ощущается нами как “изолированная”, обособленная от всего, что было до и будет после, а в (б), где контекст этому противоречит, согласованная форма маловероятна:

(51) а. Иван пришел веселый;

б. Иван пришел °веселым/°веселый – а ушел туча тучей.

(52) а. Машину взвешивают пустую;

⁶ Ниже, если не оговорено и не очевидно иное, предполагается, что в разбираемых примерах согласованное предикативное имя говорит именно о временном, а не постоянном признаке.

б. Машину сначала взвешивают ⁺пустой/пустую, а потом – ⁺нагруженной/нагруженную.

Подводя первые итоги, можно сказать, что, в силу своего значения согласованная форма предикативного имени сигнализирует, во-первых, о “наблюденности” ситуации, а во-вторых – о ее “изолированности”. Этими свойствами согласованной формы объясняется не только ее поведение в рассмотренных примерах, но и многое другое, в том числе особенности предикативного творительного падежа, которым мы сейчас займемся и значение которого, мы думаем, формируется прагматически – как отрицание всего того, что способна нести согласованная форма.

3. Давно признано, что творительный падеж – самый бедный по значению, “немаркированный” [Якобсон 1985; Kilby 1986]. Это не значит, что он семантически “пуст”, однако во многих случаях, в том числе и при предикативном употреблении, значение творительного падежа совершенно тривиально, т. е. он не вносит в предложение ничего такого, что бы в нем загодя не содержалось. Поэтому можно все-таки считать, что никак о его своего значения у творительного падежа нет. Подробно эти тезисы обосновываются в [Зельдович 2005].

Важное замечание. В работе [Зельдович 2004] речь идет о творительном падеже существительных, а творительный падеж прилагательного остается за кадром, так как предикативные формы там не рассматриваются, а в случае обычного согласования прилагательного с существительным он едва ли несет смысловую нагрузку, разве что сигнализирует о зависимости прилагательного. В предикативных конструкциях, где могут употребляться и прилагательные, их падеж не привязан к падежу существительного, и логично ожидать, что у него есть свое значение – причем того же рода, что и значение падежной формы существительных.

Сравнивая согласованную предикативную форму и творительный падеж, нужно обратить внимание на две вещи. Во-первых, обе формы говорят в общем об одном и том же: приписывают *K* некоторое свойство. Во-вторых, семантика творительного падежа, будучи, как мы условились считать, “нулевой”, полностью влагается в семантику согласованной формы.

Известно (см. в особенности [Levinson 2000]), что если для двух единиц U_1 и U_2 выполняются эти условия – U_1 и U_2 говорят “об одном и том же” и единица U_2 логически имплицируется единицей U_1 , – то U_1 и U_2 формируют так называемую Хорнову шкалу.

Важное для нас прагматическое свойство Хорновых шкал состоит в том, что если говорящий употребил более слабую единицу U_1 , то этим сигнализируется неуместность U_2 . Например, есть шкала <некоторые; все>. Если кто-то скажет *Некоторые гости уже пришли*, то нормально подразумевается, что нельзя (неверно) сказать *Все гости пришли*. Другой пример такой шкалы – <возможность; необходимость>. Если кто-то говорит, что какое-то событие возможно, это следует понимать в том смысле, что оно не необходимо; например, фраза *Ивана могут назначить директором* имплицирует ‘нет необходимости (по крайней мере – с точки зрения говорящего), чтобы Ивана назначили директором’.

Отсюда следует, что употребление творительного падежа вместо согласованной формы должно диктоваться нежеланием говорящего выразить какой-то смысл, связанный с последней: творительный падеж будет уместен там, где нежелательна либо “наблюденность”, либо “изолированность” ситуации. В первом случае творительный падеж имеет своего рода десубъективизирующий характер, а во втором, отказываясь мыслить объект *K* только как на временном срезе, где у него имеется свойство *P*, мы получаем ту ситуацию *K* есть *P* с какой-то другой ситуацией, на которую давно указывали исследователи.

Рассмотрим примеры.

Интуитивно нет сомнений, что в

(53a) Он был злой человек

говорящий видит ситуацию через призму своего опыта, своих впечатлений, между тем как в

(53б) Он был злым человеком

творительный падеж скорее всего употреблен для того, чтобы от этого импрессионистического оттенка избавиться. Вероятность, что творительный падеж нужен в (53б) для соотнесения данной ситуации с чем-то другим, ничтожна, поскольку ‘быть злым человеком’ – постоянное качество, и если мы захотим сравнить то, о чем тут сказано, с чем-то другим, придется мыслить ситуацию, когда данного человека еще не было или – скорее – уже не было в живых. Это очень странно, поскольку в таком случае никакая соотносимая с (53б) ситуация не будет иметь с (53б) ничего (нетривиально) общего, а потому и всякое соотнесение утрачивает смысл.

Таким образом, если с помощью *P* обозначен постоянный признак, роль творительного падежа с необходимостью сводится к отмене “наблюденности”, “данности в опыте”.

Замечание 1. Этим, кстати, объяснимо, почему в примере

(54) Он был лошадь (?лошадью)

из [Никольс 1985: 360] и во многих подобных метафорических выражениях, где речь идет о постоянном признаке, творительный падеж плох: метафоричностью как раз предполагается та “данность в опыте” (пусть и воображенном, “картинность”, без которой говорящий не мог бы обнаружить сходство двух ситуаций (реальной ситуации и ситуации-метафоры, ситуации-“заместителя”) и без которой не построил бы метафору.

Замечание 2. Как мы говорили, “данность говорящему в опыте” предполагает минимум двукратное соединение *K* и *P* в его сознании. Там, где это соединение оказывается неожиданным, предпочтительнее не согласованная форма предикативного имени, а творительный падеж. Поэтому в следующем тексте, где автор все описанное видит впервые (и вдобавок оно его удивляет), хорош творительный падеж *узким*, согласованная же форма *узкий* прозвучала бы странно: *Отдышавшись, я пошел по гребню, бесплодно-каменистому, как лунная поверхность. Он был узким и казался таким хрупким, что было страшно, как бы он подо мной не обломался* (Ф. Искандер).

Иначе выглядит дело там, где признак *P* – временный. Ср.:

(55) а. Он был злой/больной/разъяренный;

б. Он был злым/большим/разъяренным.

С одной стороны, творительный падеж в (б) может быть выбран для отказа от “наблюденности”. С другой стороны, если мы “наблюденность” жестко зафиксируем в контексте (например, с помощью оборота *...как сейчас вижу...*), то хорошо почувствуем, что творительный падеж соотносит данную ситуацию с чем-то более ранним или/и поздним:

(55в) Он – как сейчас вижу – был злым/большим/разъяренным.

Попытка отменить эту соотнесенность ведет к неприятностям, ср.:

(55г) Ничего другого не помню. [?]Только как сейчас вижу – он был злым/большим/разъяренным (⇒ злой/больной/разъяренный).

Обратим еще внимание, что в (55б) вероятность, что творительный падеж используется для отказа от “наблюденности”, для прилагательных *злым*, *большим* и *разъяренным* – неодинакова. Слово *разъяренный* из-за своей экспрессивности в гораздо большей степени, чем первые два, предполагает, что ситуация говорящим наблюдалась [ср. хотя бы: *Может быть (Кажется), шеф сейчас злой – не ходи к нему; Может быть (Кажется), Иван болен; [?]Может быть (Кажется), он сейчас разъярен*]. Именно поэтому для предложения *Он был разъяренным* более естественна интерпретация в том смысле, что ‘...был разъяренным после какого-то происшествия’.

Вот еще один пример, иллюстрирующий использование творительного падежа ради соотнесения:

(56) а. Не хочу ложиться спать одетый;

б. Не хочу ложиться спать одетым.

Очевидно, несмотря на нетипичность ситуации ‘говорящий будет спать в одежде’, она, поскольку говорящий является ее участником, скорее всего мыслится как “наблюдае-

мая”, данная в (мысленном) опыте. Творительный же падеж *одетым* сигнализирует, что, произнося (56б), говорящий имеет в виду нечто предшествующее данной ситуации или/и нечто, что за ней последует. Поэтому (56б) гораздо скорее, чем (56а), способно нести смысл типа ‘не хочу ложиться спать одетым, чтобы одежда не была потом мятой’ и с гораздо меньшей, чем (56а), вероятностью, значит, допустим, ‘не хочу ложиться спать одетым, потому что так спать неудобно’.

То же свойство творительного падежа представлять ситуацию в соотнесенности с иным ответственно за контраст в примерах (57):

(57) а. Он встал из-за стола голодный/голодным;

б. Он встал из-за стола ⁺раскрасневшийся/раскрасневшимся.

Абстрактно говоря, две интересующие нас формы имеют, в зависимости от интенций говорящего, примерно равные шансы быть употребленными в предложении (а), зато в (б) явно предпочтительна согласованная. Дело в том, что в (а) состояние ‘он голоден’ очень естественно соотносится с имеющейся здесь ситуацией ‘он сидел за столом (и ел)’, а состояние ‘он раскрасневшийся’ соотносится с этой ситуацией весьма трудно (разве что известно, что за столом изрядно было выпито), и для употребления творительного падежа требуется найти иную, не данную так явно соотнесенную ситуацию.

Заметим еще, что с изложенной точки зрения хорошо объясним известный факт, что “темпорально-соотносительные” частицы типа *уже* и *еще* делают очень вероятной именно форму творительного падежа, ср.:

(58) На собрание он пришел *уже* (еще) ⁺спокойным/спокойный.

4.0. Все сказанное требует еще двух важных оговорок, без которых нам не удастся объяснить материал во всей его сложности.

4.1. Во-первых, нельзя думать, что соотнесенная ситуация *S'* всегда имеет место в том же возможном мире, что и ситуация *K есть P* (в реальном, если *K есть P* реально, и том же ирреальном, если *K есть P* модализовано).

Действительно, в норме *S'* помещается в тот же самый мир: во-первых, в таком мире обычно больше смысла имеет соотносительность *S'* и *K есть P* (как правило это причинные связи или контраст); во-вторых, если *K есть P* реально и есть хорошие предпосылки, чтобы и *S'* поместить в реальный мир, это очень вероятно: последний среди возможных миров если не лучший, то наверняка отчетливо привилегированный [Stalnaker 1981].

Если, однако, контекстом подсказывается, что ситуации *K есть P* противостоит *S'* из иного мира, то сигнализируемая творительным падежом соотносительность реализуется именно таким, необычным, образом.

Общая черта контекстов, где это возможно, состоит в том, что признак *P* явно или скрыто, но достаточно отчетливо противопоставляется признаку *не-P*. Говоря “отчетливо противопоставляется”, мы имеем в виду следующее. Очевидно, что при любом утверждении *K есть P*, какую бы форму ни имел компонент *P*, этот признак ставится в оппозицию о т с у с т в и ю *P*, и с этой точки зрения требование об “отчетливой противопоставленности” *P* и *не-P* бессмысленно. Речь, следовательно, идет не просто о такой оппозиции, а еще о дополнительном условии, что ситуация *K есть P* чем-то говорящего у д и л я е т, поскольку в силу каких-то причин можно было ожидать, что имеет место обратное, *K не есть P*.

Наиболее просты примеры типа (59), где есть явное противопоставление (и предикативное имя почти наверняка акцентировано):

(59) а. Овощи в Болгарии едят сырыми (а не тушеными и т. д.)⁷⁷ сырые;

б. Белый гриб хорош жареным (а не маринованным и т. д.)⁷⁸ жареный.

Кроме того, есть примеры, где ситуация *K есть P* настолько необычна, так отходит от наших стереотипов, что даже без противопоставления и акцентного выделения соответствующих слов тут же заставляет мыслить (причем как нечто вообще-то нормальное, ожидавшееся) ситуацию *K не есть P*. В этом случае не только возможен, но и предпочтителен (почему – будет видно ниже, в п. 4.2) творительный падеж.

Сравним примеры (адаптированные из [Никольс 1985: 372]):

(60) а. Дубняки стояли ⁺одетые/одетыми в свой наряд, зеленый и яркий;

б. Дубняки стояли ⁻одетые/⁺одетыми в свой наряд, поблекший и полузасохший.

Предпочтительность творительного падежа в (б) вызвана аномальностью ситуации: она такова, что немедленно приводит на мысль “нормативную”, типа ‘наряд зеленый и яркий’. В (60а) похожего мотива, чтобы употребить творительный падеж, нет, и потому для его появления требуется вообразить иную соотношенную ситуацию, характер которой, если для (60а) не зафиксирован более широкий контекст, неясен. Аналогичен пример (61), где в (б), поскольку ситуация ненормативна, вероятнее творительный падеж, а в “стереотипном” (а) – согласованная форма:

- (61) а. Чашки стояли ⁺чистые/чистыми;
б. Чашки стояли ⁻грязные/⁺грязными.

Вот другая иллюстрация обсуждаемого тезиса:

- (62) а. Банка стояла перевернутой;
б. Шхуна лежала у берега перевернутой.

- (63) а. Сыр лежал завернутым в бумагу;
б. Сыр лежал завернутым в древнеегипетский папирус.

Контраст между предложениями (а) и (б) заключается здесь в том, что в первом случае, поскольку описываемая ситуация более или менее нормальна (банку часто переворачивают, чтобы высушить, сыр часто заворачивают в бумагу), соотношенную ситуацию S' надо искать в реальном мире, до или после ситуации, которая описана, т. е. фразы (а) скорее всего будут интерпретированы в том смысле, что говорящий мыслит себе эту же банку и этот же сыр в другие времена их существования; между тем фразы (б), описывающие нечто астеротипное (для судна не нормально лежать у берега перевернутым; еще аномальнее заворачивать сыр в папирусы), в гораздо меньшей степени предполагают подобной прочтение и в большей – прочтение в духе ‘ситуация сравнивается с противоположной, которая нормальна; говорящий удивлен’.

Аналогично обстоит в примере (64) (с легкими изменениями взятом из [Никольс 1985: 373]):

- (64) Неожиданно для себя Полина рассмеялась – настолько нелепыми были слова Люсьен.

Может показаться, что творительный падеж сигнализирует здесь о соотношенности между ситуациями ‘слова были нелепыми’ и ‘Полина рассмеялась’. Это не исключено, но и в

(64') Слова были чудовищно нелепыми творительный падеж тоже весьма вероятен – ибо эта ситуация немедленно соотносится со стереотипом ‘слова (должны быть) разумны’.⁷

4.2.1. Другое важное обстоятельство заключается в следующем.

Мы говорили, что согласуемая форма сигнализирует, во-первых, о “наблюденности” ситуаций, во-вторых – о том, что ситуацию *К есть Р* говорящий мыслит “изолированно”, т. е., употребляя согласуемую форму, он мыслит *К* лишь на том временном промежутке, когда у *К* есть свойство *Р*. С другой стороны, творительный падеж может использоваться для отказа и от первого, и от второго (и, разумеется, от первого и второго разом).

Однако шансы, что творительный падеж снимет “изолированность” и будет указывать на соотношенность ситуации *К есть Р* с чем-то иным, – эти шансы не совсем высоки.

Две мыслимые интерпретации творительного падежа прагматически одинаково доступны: соответствующая согласованная форма в равной степени несет и идею “наблю-

⁷ В оригинальном примере Дж. Никольс положение более запутанное. Пример выглядит так: *Неожиданно для себя Полина рассмеялась – настолько нелепым было сказанное Люсьен*. Здесь выбор творительного падежа может диктоваться не только описанным выше фактором, но и чисто стилистической неловкостью согласованной формы при подлежащем-причастии (??...*нелепое было сказанное Люсьен*). Это, впрочем, та ситуация, когда реальной конкуренции между согласуемой формой и творительным падежом нет, а такими случаями мы не занимаемся.

денности”, и идею “изолированности”, и какую из них “отменит” творительный падеж, решается прагматическим принципом информативности: из интерпретаций выбирается та, которая больше обогащает нашу когнитивную среду (см. особенно [Sperber, Wilson 1986]).

По своей информативности смысл ‘ситуация дана говорящему в (возможно, виртуальном) опыте’ / ‘ситуация не дана говорящему ни в каком опыте’ и смысл ‘говорящий мыслит ситуацию изолированно’ / ‘ситуация соотносится с другой ситуацией’ совершенно несопоставимы.

Дана ли ситуация говорящему в (возможно, воображенном) опыте, зависит целиком и полностью от воли говорящего: ему достаточно напрячь воображение и представить себе данную ситуацию или – в крайнем случае – другие языковые сообщения об этой ситуации – как сразу же появляется хороший мотив, чтобы употребить согласованное предикативное имя. Поэтому представление ситуации как данной в опыте никогда не может оказаться ни ложным, ни даже некорректным (неуместным).

Между тем информативность любого сообщения *I* определяется именно тем, что в данной ситуации сообщение *не-I* было бы или неправдой, или по крайней мере чем-то неуместным.

С другой стороны, если мы соотносим ситуацию *К есть Р* с каким-то (контекстно всегда конкретизированным) *S'*, то такое соотнесение может быть некорректно, бессвязно, т. е. оказаться чем-то вроде “в огороде бузина, а в Киеве дядька”. (Собственно ложным оно скорее всего никогда не окажется). Поэтому информация об изолированности или соотнесенности ситуации *К есть Р* – гораздо менее тривиальная и более ценная, чем информация о “наблюденности” – “не-наблюденности”. Поэтому можно думать, что в большинстве случаев творительный падеж будет выбираться или отвергаться именно в зависимости от того, мыслит ли говорящий ситуацию *К есть Р* в соотнесении с другой ситуацией *S'*. (При этом, если соотнесение имеет место и творительный падеж действительно употреблен, ничто не мешает, когда контекст этого настоятельно требует, мыслить ситуацию как данную говорящему в опыте – точно так же, как при употреблении согласованных форм.)

Так, например, в паре предложений

(65) а. Милиция привела его домой пьяного;

б. Друзья привели его домой пьяным

вторым скорее имплицитно подразумевается не отказ от “наблюденности”, а соотнесенность. Как пишет Дж. Никольс [1985: 364; отсюда же и взяты примеры], “[в]о втором предложении говорится о том, что друзья выпивали вместе с ним, видели, как он становился пьяным (следовательно, видели его и не пьяным. – Г.З.), или напоили его, а затем привели домой”. С другой стороны, фраза (а) не подразумевает никакой истории: ситуация ‘он пьяный’ выхвачена из потока событий и представлена в изоляции. Поэтому только текст (б) легко допускает расширение, отсылающее к прежним событиям:

(65') а. Милиция привела его домой пьяного. Могу себе представить, какую они с друзьями закатили гулянку;

б. Друзья привели его домой пьяным. Могу себе представить, какая у них была гулянка.

Точно так же, не наблюдаемостью (которая почти наверняка всюду есть), а наличием или отсутствием соотнесенности диктуется предпочтение творительного падежа или от него отказ в следующих примерах:

(66) а. Я был такой же мокрый/таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку;

б. Через пять минут я был такой же мокрый/таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

(67) а. Он выбежал от нас разъяренный/разъяренным;

б. После всего происшедшего он выбежал от нас разъяренный/разъяренным.

В примерах (а) неясно, мыслится ли ситуация в соотносительности с другими, и согласуемая форма и творительный падеж практически равновероятны, а в (б), где соотносительность налицо, ощущимо лучше творительный падеж.

Наличием соотносительности объяснимо и преимущество творительного падежа в (68) – несмотря на указание, что ситуация наблюдалась:

(68) Он не встанет рано (S') – все видели, как он с вечера пришел домой ¹пьяный/s пьяным.

Несколько иного рода, но по существу подобны примеры (69–70) (с небольшими изменениями заимствованные из [Никольс 1985: 367]):

(69) а. Следующая деревня и была ¹Гончаровкой/Гончаровка;

б. Следующая деревня была Гончаровка/²Гончаровкой.

(70) а. Это и называется ¹велосипедом/Г велосипед;

б. Это называется велосипед/²велосипедом.

В примерах (а) – из-за присутствия частицы *и* – предполагается какая-то история, и признаки ‘быть Гончаровкой’ и ‘называться велосипедом’, хотя вообще-то они постоянные, предстают как сиюминутные, что-то вроде ‘для кого-то (для кого раньше эта деревня была неизвестна) эта деревня является Гончаровкой’, ‘для кого-то (кто раньше этого не знал) это называется велосипедом’, причем время, когда данное знание есть, соотносится с временем, когда его не было. Поэтому во фразах (а) вероятен творительный падеж, а в (б) предпочтительна согласованная форма. [Впрочем, и здесь творительный падеж, конечно, уместен, если предполагать все то, о чем в (а) сигнализировала частица *и*.]

Вспомним уже разбиравшиеся примеры (60–61). Как мы говорили, в предложениях (60а–61а) больше вероятности, что будет использован творительный падеж. Обстоит так потому, что здесь описанная ситуация аномальна, она почти наверняка мыслится на фоне другой ситуации-стереотипа, и, конечно, сравнивать наличное положение вещей с представлением о норме – совершенно корректно. В таких условиях согласуемая форма с ее “изолированностью”, в данном случае “как бы не-учетом” стереотипа, не очень желательна.

Несколько иного рода примеры (71–72):

(71) ¹Взрослым/Взрослый я там не был.

(72) ¹Первым/Первый на собрание пришел Иван.

Здесь сама семантика слов *взрослый* и *первый* подразумевает, что ситуация соотносена с чем-то другим – с детством говорящего и с приходом кого-то другого, а не Ивана. Поэтому тут тоже более уместен творительный падеж.

По причинам сходного характера предрасполагает к употреблению творительного падежа, а не согласованной формы слово *оказаться*, ср.:

(73) Он оказался мошенником/²мошенник

(пример из [Никольс 1985: 373]). Сам по себе признак ‘быть мошенником’ – почти наверняка постоянный для данного человека, так что с этой точки зрения говорить о соотносительности ситуаций не приходится; однако в семантике (73), помимо смысла ‘он был мошенником’, есть еще информация, что, в первом приближении, ‘в какое-то более раннее время для говорящего или иного субъекта не было очевидно, что он мошенник’ и что ‘в какое-то более позднее время для говорящего или иного субъекта это было (стало) очевидно’. Таким образом, фразой (73) предполагается тот ментальный мир, в котором в одно время имеет место данное *К есть Р*, а в другое время – нет, причем именно контраст первого со вторым акцентируется словом *оказался*; даже если предположить здесь “наблюдаемость”, все равно предпочтительна форма творительного падежа.

Чтобы более или менее уравнять шансы, нужно затратить некоторые дополнительные усилия, с п е ц и а л ь н о просигнализировать, что “наблюдаемость” говорящему важна, – как, например, в

(73') Он оказался *такой* мошенник/*таким* мошенником!

(адаптировано из [Никольс 1985: 373]), где слово *такой* прямо сообщает о вовлеченности говорящего в ситуацию и, следовательно, о ее “наблюдаемости”, а потому творитель-

ный падеж (употребляемый ради соотнесенности) и согласуемая форма становятся примерно равновероятны.

Там, где соотнесенность ситуаций неестественна, творительный падеж, в согласии с нашими рассуждениями, оказывается неуклюж – даже в том случае, если за ним усматривать “снятие наблюдаемости”; ср.:

(74) Сам я в глаза его на том вечере не видел, но, может быть, его странные выходки объясняются тем, что он был ⁺пьяный/пьяным.

(75) Он пришел ⁺одетый/ одетым в порфиру.

Пример (74) не требует комментариев, во фразе же (75) порфира – нечто настолько редкое, выходящее из ряда, что все внимание наблюдателя должно скорее всего сосредоточиться на том времени, когда персонаж одет в порфиру (иначе – в *Он пришел ⁻одетый/⁺ одетым в пиджак*).

Замечание. На первый взгляд, пример (75) сходен с (636) *Сыр лежал завернутым в древнеегипетский папирус*, где ситуация ненормальна и поэтому предпочитается творительный падеж. Тогда неясно, почему здесь обстоит обратным образом. На самом деле есть огромная разница: для папируса действительно ненормально, чтобы в него заворачивали сыр, а для порфиры, чтобы в нее оделись, – совершенно нормально. Разумеется, можно для (75) считать, что именно данный персонаж не должен вообще-то так облачаться, но это совершенно необязательно; если предполагать такой вариант, то предпочтительной оказалась бы, конечно, форма творительного падежа, ...*одетым (в порфиру)*, – точно так же, как в (636).

Вот другой подобный пример:

(76) Ивана, по слухам, допрашивали больного/^{??} больным.

Появись в контексте ситуация, с которой можно было бы корректно соотнести ‘Иван болен’, творительный падеж оказался бы приемлем, ср.:

(76') Ивана, по слухам, забрали в тюрьму здоровым, а допрашивали уже больным.

Однако в (76) такой ситуации не видно, и потому, хотя вводный оборот *по слухам* делает маловероятным, чтобы говорящий зримо представлял себе ситуацию, лучше употребить согласованную форму.

Замечание. При этом согласованная форма как всегда имеет оттенок “наблюдаемости”, и с этим говорящий вынужден просто примиряться. Вспомним [Мельчук 1995: 156], что нередко та или иная лексическая или грамматическая единица выбирается не потому, что она соответствует потребностям говорящего, а потому, что она им не противоречит. Примириться с такой “сверхабонементной наблюдаемостью” тем легче, что, как мы говорили, решение, представить ли ситуацию в качестве “наблюдённой” или нет, целиком зависит от произвола говорящих.

4.2.2. Особенно наглядным свойство творительного падежа соотносить ситуацию с иными становится там, где (а) такое соотнесение имеется в контексте; (б) оно тривиально – т.е. сама по себе структура *К есть Р*, взятая безотносительно к выбору формы предикативного имени, никоим образом не может быть осмыслена без соотнесения. В такой ситуации употребление творительного падежа весьма проблематично.

Вспомним, что творительный падеж и согласованная форма предикативного имени формируют Хорнову шкалу. Творительный падеж является ее слабым членом и употребляется для того, чтобы отказаться от чего-то присутствующего в значении согласованной формы, причем более вероятен – ибо более информативен – отказ от “изолированности”.

Если же имеются названные выше условия (а) и (б), то отказ от последней с помощью творительного падежа невозможен: с одной стороны, как мы уже говорили, эффект “изолированности” у согласованной формы возникает прагматическим путем, а с другой – (ожидаемые вообще-то) имплицатуры не появляются, если этому препятствует контекст. Творительный падеж не может быть употреблен, чтобы просигнализировать “не?изолированность”, а учитывая неизмеримо большую информативность как раз этого мотива – практически не может употребляться вообще.

Так обстоит в примере (776):

(77) а. Машины здесь продают новыми;

б. [?]Машины здесь продают старыми ($\Rightarrow$ старые).

Различие между этими столь похожими и в то же время контрастными фразами – в том, что для ситуации ‘К новый’ соотноситься с ‘К старый’ (самый вероятный кандидат в относительные ситуации) – вещь не тривиальная: *K*, который нов, может и не дожидаться своей старости. Между тем информация ‘К старый’ (в применении к машине, старость которой может быть не столько видна, сколько измерена возрастом, пробегом и т.д.) почти наверняка предполагает, что *K* мыслится и в другие времена, отличные от времени его старости. Так возникает тривиальность, мешающая в (776) употреблению творительного падежа. Тем же самым обусловлена и его крайняя неловкость в примерах (78–79):

(78) [?]Машины здесь продают крадеными ($\Rightarrow$ краденые).

(79) [?]Хлеб здесь продают вчерашним ($\Rightarrow$ вчерашний).

Само то, что *X* – краденый, требует, чтобы *X* в более раннее время принадлежал другому (законному) владельцу. Состояние ‘быть вчерашним’ существует только в соотношении с предыдущим днем. Эти кандидаты на роль соотношенной ситуации *S'* и вполне корректны по своему содержанию, и наиболее доступны прагматически, поскольку даны в самой уже семантике предложений (78–79). И как раз поэтому и не нужен творительный падеж.

Обратим внимание, что степень аномальности (78–79) понижается, если добавить частицу *уже*:

(78¹) [?]Машины здесь продают уже крадеными.

(79¹) [?]Хлеб здесь продают уже вчерашним.

В таком случае соотношение ситуаций ‘машина находится у незаконного владельца O_2 ’ и ‘машина находится у (законного) владельца O_1 ’ и ситуаций ‘хлеб выпечен в предыдущий день’ и ‘хлеб выпечен сегодня’ происходит не только в силу семантики слов *краденый* и *вчерашний*, но и благодаря присутствию (не входящей в структуру *K есть P!*) частицы *уже*, а это значит, что оно в большей степени связано с выбором говорящего, вероятно с тем, что для последнего ситуация *S'* (‘машина находится у владельца O_1 ’, ‘хлеб выпечен сегодня’) чем-то о с о б е н н о актуальна (может быть, он себе ее живо представляет и т.п.) – т.е. актуальна в большей степени, нежели это предполагается просто значением слов *краденый* и *вчерашний*.

Еще лучше, если в конструкциях (78–79) появится какой-то не тривиальный и э к с п л и ц и т н ы й кандидат на роль ситуации *S'*. Ср.:

(78²) Машины они угоняют (*S'*) и продают их крадеными (что чревато неприятностями для покупателя).

(79²) Хлеб здесь прячут в день выпечки (*S'*) и потом продают вчерашним.

“Спасти” фразы (78–79) можно и иначе.

Выше мы говорили, что если данная ситуация *K есть P* явно отклоняется от стереотипа, то она, когда в *P* выступает творительный падеж, может соотноситься с “нормативным” *S'* (которое имеет место не в том же возможном мире, что *K есть P*). Почему же нечто подобное едва ли возможно для (78–79) – хотя описанные здесь ситуации не стереотипны?

По-видимому, дело в том, что (а) (78–79) сообщают о многократной, повторяющейся ситуации, и потому она, при всей необычности, уже в некотором смысле привычна и нормальна, а вместе с тем (б) в (78–79) нет эксплицитных указаний, что говорящий считает ее нарушением правил. Поэтому фразы типа (78–79) станут гораздо лучше, если с их помощью назвать о д н о к р а т н о е событие и устранить названный выше фактор (а); ср.:

(78³) Эту машину мне продали краденой.

(79³) Этот хлеб мне продали вчерашним.

Поправляется дело и тогда, когда устраняется фактор (б) и на ненормальность ситуации указывается более или менее прямо, например словами *вечно*, *всегда* (с сильным акцентом) или вводной конструкцией типа *вы только подумайте* – как это сделано в (80–81):

(80) Они всегда (вечно) продают хлеб вчерашним.

(81) Вы только подумайте – они продают хлеб вчерашним.
Это, впрочем, не касается фразы (78), ибо ее таким способом поправить не удастся, ср.:

(82) ?Машины здесь всегда (вечно) продают крадеными.

(83) ?Вы только подумайте – машины здесь продают крадеными.

Резонно полагать, что здесь, как и раньше, ситуация 'К есть Р' ('машины в момент продажи – краденые') соотносится с "нормативным" 'К не есть Р' ('машины – не краденые'). Однако мыслить последнее в данном случае можно, только предполагая серьезные изменения в ф о н о в о й, прямо не называемой ситуации: продавайся машины не крадеными, их бы продавали не те же люди, что продают сейчас. Видимо, это изменение слишком серьезно, чтобы предполагать его просто по умолчанию, как это делается в (82–83). (Разумеется, в (80–81) все иначе, поскольку сбывать хлеб и в день выпечки, и позднее могут одни и те же продавцы.)

Что касается приемлемого (78^{'''}) *Эту машину мне продали краденой*, где ситуация, в отличие от (82–83) о д н о к р а т н а, а референциальный статус машины к о н к р е т н ы й, то здесь говорящий интересуется (по крайней мере скорее, чем в (82–83), в п р а в е интересоваться) не столько действиями продавцов, сколько историей данного автомобиля, а он при продаже может быть и краденым, и нет. Обратим внимание, что предложение типа (78^{'''}) сильно ухудшается, если в нем появляется конкретный субъект продажи:

(78^{'''}) ?Эту машину мне какой-то жулик продал краденой.

Замечание 1. Впрочем, наш тезис, что при выборе между согласованной формой и творительным падежом больше веса имеет мотив изолированности/соотнесенности ситуаций, вполне верен лишь там, где иерархия мотивов устанавливается по умолчанию, в отсутствие контекстных факторов, которые способны вести к ее пересмотру. Поскольку же природа этой иерархии прагматическая, то всякое прямое указание на важность наблюдаемости оправдывает появление согласованной формы даже и там, где не подлежит сомнению соотнесенность ситуации. Так, предложения

(84) а. ?Он погиб молодой;

б. Он погиб молодым

(из [Никольс 1985: 373]) выражают смысл 'он погиб давно': если несчастье случилось, допустим, месяц назад, то ни (84а), ни (84б) не допустимы; в свою очередь, д а в н о с т ь сама по себе означает, что ситуация соотносится с тем, что есть сейчас. Отсюда – явное преимущество творительного падежа.

Тем не менее, шансы творительного падежа и согласованной формы заново уравниваются, если в предложении появится специальный показатель наблюдаемости, например слова *такой* или *совсем*; ср. пример (84в), который не хуже, чем (84б):

(84в) Он погиб такой (совсем) молодой!

Приблизительно так же объясним пример (85) из [Никольс 1985: 373] – с той разницей, что согласованной форме в (а) противоречит смысл подразумеваемого соотнесение ситуаций слова *оказался*:

(85) а. ?Он оказался мошенник;

б. Он оказался мошенником;

в. Он оказался такой мошенник – кто бы мог подумать!

Замечание 2. Возникает вопрос: если, согласно нашим рассуждениям, значение творительного падежа формируется прагматически, т.е. и м п л к а т у р н о (в частности, имплицатурой является идея соотнесенности ситуаций), то почему эти имплицатуры ведут себя гораздо жестче, оказываются гораздо устойчивее, чем хрестоматийные имплицатуры типа *некоторые* => 'не все', *может* => 'не должен' и т.п. Э т и имплицатуры контекстом легко снимаются (ср.: *Некоторые – даже все – уже пришли; Иван может и должен это сделать*), а в примерах (78–79), если принять для них предложенное нами объяснение, имплицатура соотнесенности у творительного падежа ни в коем случае не отменяется, оставаясь на своем месте и продуцируя аномалию.

Почему имплицатуры творительного падежа ведут себя столь ригидно, мы объясняем в [Зельдович 2004]. В двух словах дело выглядит следующим образом: Если говорящий (предполагается, что он компетентный носитель языка) употребил творительный падеж предикативного имени, то, поскольку падежи – явление сугубо грамматическое и потому все падежи данного слова хорошо доступны компетентному носителю языка, выбор говорящего не мог быть случайным, не мог быть вызван тем, что данная форма в момент высказывания просто не подвернулась на язык.

Между тем при этом условии как раз и порождаются сильные импликатуры. Например, употребить слово *некоторые* во фразе

(86) Некоторые мои друзья программисты говорящий мог оттого, что в момент речи не вспомнилось слово *все*, и соответствующую импликацию легко снять:

(87) Некоторые – то есть даже все – мои друзья программисты. С другой стороны, если, допустим, выражением *долгий-долгий* создается импликация ‘не по-обычному долгий’, ‘очень долгий’, то оборот, который ее бы не породил, а именно – нередуцированное *долгий*, – имеется уже в самом *долгий-долгий*, и использование последнего выражения уже ни в коем случае нельзя отнести на счет дефектов нашей памяти. Поэтому и импликация – сильная, ср. откровенно неудачную попытку ее отменить:

(88) До Южного полюса лежал еще долгий-долгий путь. *Впрочем, не хочу сказать, что он был особенно долгий.

5. Таким образом, очень многое (а может быть, и все – но это покажут или опровергнут дальнейшие исследования) в употреблении предикативной согласованной формы и предикативного творительного падежа удается объяснить, с одной стороны – привлекая аппарат современной прагматики, а с другой – исходя из нашей гипотезы, согласно которой, во-первых, согласованная форма сигнализирует, что соответствующий признак и представление, связанное с контролером, слиты для говорящего в единый концепт, а во-вторых, значение творительного падежа формируется отрицательным образом, т. е. он употребляется там, где говорящего что-то не устраивает в значении согласованной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бульгина, Шмелев 1997 – Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Бэбби 1985 – Л. Бэбби. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Зельдович 2005 – Г.М. Зельдович. Русское предикативное имя. Тогул, 2005.
- Мельчук 1995 – И.А. Мельчук. Русский язык в модели “Смысл $\Leftrightarrow$ Текст”. М., 1995.
- Никольс 1985 – Д. Никольс. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Никунласси 1993 – А. Никунласси. Именительный или творительный? Хельсинки, 1993.
- Тимберлейк 1985 – А. Тимберлейк. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Шведова 1952 – Н.Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. Московского гос. ун-та. Вып. 150. Русский язык. М., 1952.
- Якобсон 1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Barsalou 1987 – L. Barsalou. The instability of graded structure: implications for the nature of concepts // U. Neisser (ed.). Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, 1987.
- Barsalou 1992 – L. Barsalou. Frames, concepts, and conceptual fields // E. Kittay, A. Lehrer (eds.). Frames, fields, and contrasts: New essays in semantic and lexical organization. Hillsdale, 1992.
- Gustavsson 1976 – S. Gustavsson. Predicative adjectives with the copula *byr'* in Modern Russian. Stockholm, 1976.
- Kilby 1986 – D. Kilby. The instrumental in Russian: On establishing a consensus // R.D. Brecht, J.S. Levine (eds.). Case in Slavic. Columbus, 1986.
- Levinson 2000 – S. Levinson. Presumptive meanings. Cambridge, 2000.
- Nam Sun Song 1998 – Nam Sun Song. Metaphor and metonymy // R. Carston, S. Uchida (eds.). Relevance theory. Applications and implications. Amsterdam, 1998.
- Nichols 1981 – J. Nichols. Predicate nominals. A partial surface grammar of Russian. Berkeley, 1981.
- Sperber, Wilson 1986 – D. Sperber, D. Wilson. Relevance: Communication and cognition. London, 1986.
- Stalnaker 1981 – R.C. Stalnaker. A theory of conditionals // W.L. Harper, R. Stalnaker, G. Pearce (eds.). Ifs. Conditionals, belief, decision, chance, and time. Dordrecht, etc., 1981.
- Taylor 1995 – J. Taylor. Linguistic categorization. Prototypes in linguistics theory (2/e). Oxford University Press, 1995.